

DOI: 10.17516/1997-1370-0944

EDN: ENYHDM

УДК 81” 33

Negative Evaluation in Russian Academic Book Review: Across Critical Reflection and Ritual Genre (Based on Reviews of Monographs on Sociology in 2015–2022)

Valeria E. Chernyavskaya*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Saint Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

Received 17.04.2022, received in revised form 25.04.2022, accepted 17.08.2022

Abstract. The present paper discusses the review as one of the main genres in the scientific communication and expert activity. The academic book review as a genre under consideration is becoming increasingly relevant. Evaluation is a key characteristic of a review and its identifying feature as a textual genre. The research question within this paper is related to how scientific criticism and the evaluative stance of the subject are expressed in the text of the review. Scientific criticism is focused as an explicit expression of a negative, negatively evaluative attitude, disagreement with the opinion of another researcher and his/her explanatory approach. The paper investigates how criticism is managed in Russian book reviews of monographs in the field of sociology, published in the period from 2015 to 2022 in leading Russian journals. The approach is corpus-based and the book review corpus consists of 50 reviews. The analyses proceeded as follows: based on the structural and compositional organization of the review, its main functional and thematic units, there were identified contexts containing linguistic items with the semantics of epistemic evaluation, i. e. positive or negative judgements of the reviewer. At the second stage, contexts were selected in which the negative evaluation attitude of the reviewer to the content (scientific result), structure and practical application of the monograph under review. Explicit evaluation resources were considered. There were identified 618 evaluative contexts, 460 contexts reveal a positive evaluation, 158 a negative evaluation. The contexts were analyzed by the methods of pragma-semantic analysis, discursive analysis. The study revealed the trend to “non-critical” book reviews that do not express negative evaluative judgments towards monographs under review. When expressing a negative evaluation, criticism is presented indirectly with mitigation devices, which reduce the degree of its categoricalness and directness. As a result of the analysis, characteristic techniques and linguistic choices of mitigated criticism are discussed.

Keywords: academic book review, appraisal, epistemic appraisal, mitigation devices.

The research was supported by Russian Science Foundation, “Language of Evaluations in Scientific Humanitarian Practices and Discourses in Russia and Germany”, project № 22–28–01024

Research area: philology.

Citation: Chernyavskaya, V. E. (2022). Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022). J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(11), 1680–1698. DOI: 10.17516/1997-1370-0944.

Негативная оценка в российской научной рецензии: между критической рефлексией и ритуальным жанром (на материале рецензий на монографии по социологии 2015–2022 гг.)

В.Е. Чернявская

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья анализирует рецензию как один из основных жанров в научно-экспертной деятельности. Оценочность является ключевой характеристикой рецензии и ее идентифицирующим признаком как текстового жанра. Исследовательский вопрос связан с тем, как в тексте рецензии выражается научная критика и оценочная позиция субъекта речи. Научная критика фокусируется как эксплицитное выражение негативного, отрицательно-оценочного отношения, несогласия с мнением другого исследователя и его объяснительного подхода. Анализ проведен на материале русскоязычных рецензий на монографии в области социологии, опубликованные в период с 2015 по 2022 гг. в ведущих отечественных журналах. Текстовая выборка состоит из 50 рецензий. В ходе анализа с опорой на структурно-композиционную организацию текста рецензии, его основные функционально-тематические блоки выделялись контексты, содержащие языковые единицы с семантикой эпистемической оценки, из них на втором этапе отбирались контексты, в которых выражено негативно-оценочное отношение рецензента к содержанию (представленному результату), структуре и практической значимости рецензируемой монографии. Учитывалось эксплицитно выраженное оценочное отношение. Выделено 618 оценочных контекстов, из них 460 содержат положительную оценку, 158 – отрицательную. Отмеченные контексты анализировались методами прагма-семантического анализа, дискурсивного анализа с опорой на словарные дефиниции. Применительно к изученной текстовой выборке отмечается преобладание «некритичных» рецензий, не содержащих отрицательно-оценочных суждений и выявленных слабых, противоречивых аспектов в монографиях-предтекстах. При выражении негативной оценки критика представляется непрямо, сопровождается языковыми деинтенсификаторами оценки, снижающими степень ее категоричности и прямоты. В результате анализа систематизированы характерные приемы и языковые средства смягчения критической оценки.

Ключевые слова: научная рецензия на монографию, оценка, эпистемическая оценка, смягчение оценки

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Язык оценок в научных гуманитарных практиках Германии и России» № 22–28–01024

Научная специальность: 10.00.00 – филологические науки.

Введение

Дискуссии об оценке в научной коммуникации стали наиболее интенсивными в последние десятилетия. Это, однако, не означает, что роль оценки научных исследований была менее существенной в предыдущие периоды. Процедуры оценивания сложились вместе с первыми научными институтами в XVII веке и вместе с обособлением науки как особой формы коммуникации и познания. Научная деятельность оценочна по своей сути и пронизана оценкой. В современном контексте следует говорить о возросшем спросе на оценку и о расширении сфер применения оценочных процедур в связи с усложнением отношений научного сообщества и общества. Оценка востребована как оценка качества научного результата, предлагаемого к публикации, в связи с запросами на грантовое финансирование исследований, в связи с усиливающейся состязательностью на уровне отдельных ученых, институций, национальных школ, университетских центров в мировом масштабе. Выраженная оценка мотивирует и направляет исследования.

Центральным звеном в сложившейся системе оценивания является процедура рецензирования (peer-review). Как качественный метод оценивания результатов рецензирование противопоставляется количественным методам, основанным на количестве публикаций ученого и импакт-факторе журнала. Дискуссии о количественных методах, их преимуществах и ограничениях остаются за рамками этой публикации. Принципиально значимо, что специалисты признают существенную и все возрастающую роль рецензирования в научном сообществе. В современном контексте процедура рецензирования сохранила свое базовое назначение создавать и под-

держивать барьеры (gate-keeping function), входные фильтры на входе в пространство науки и поддерживать механизм накопления авторитета и доверия в науке. Роль рецензирования не ставится под сомнение и признается значимой и «безальтернативной», ср.: (Reinhart et al., 2019: 131). Рецензирование оказывает существенное влияние на формирование новых исследовательских направлений, на специализацию науки. Рецензия рассматривается как один из ключевых коммуникативных инструментов науки и главная составляющая академической среды.

Одновременно с этими утверждениями специалисты отмечают, что в современной российской практике в социогуманитарных науках жанр рецензии непопулярен и даже находится в заметном кризисе. Так, в авторитетных международных англоязычных изданиях социогуманитарного профиля раздел «Reviews», как правило, представлен несколькими критическими текстами, от трех до пяти-шести. В российских журналах, в том числе в рейтинговых и лидирующих в своей дисциплинарной области, рецензий критически мало, они представлены эпизодически, непостоянно, иногда раздел «Рецензии» вообще отсутствует. При этом в последнее время тенденция к продвижению и увеличению опубликованных рецензий стала более отчетливой¹. Специалисты говорят о неудовлетворенности современной практикой рецензирования в России, ставшей рутинной и формальной. Рецензия

¹ Примечательно в этой связи, что на сайте «Журнала Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки» на главной странице в разделе «От редактора» прямо указывается, что «кризис отечественной науки заставляет нас очень строго подходить к рецензированию статей, присланных для возможной публикации» <http://journal.sfu-kras.ru/series/humanities>; дата доступа 1.02.2022

проделала эволюцию к «ритуальному жанру» (Klimov, 2008: 115), тексты рецензий во многих случаях лапидарны и не выполняют функцию научной экспертизы вполне. Приводятся данные, свидетельствующие об упадке дискуссионности в целом, см., например, (Форум о форуме (или о состоянии дискуссионного поля науки), 2009; Guba, 2009).

Материал и методология исследования

В рамках статьи рассматривается научно-критический текст в современной российской научной коммуникации, а именно рецензия на опубликованную монографию. Рецензии на монографии имеют значимую специфику среди других форм экспертизы. Рецензия на монографию носит постпубликационный характер и всегда публична, доступна широкому кругу специалистов, экспертов, читательской аудитории. Такой критический отзыв наименее формализован, не имеет квалификационного статуса, то есть не влияет на присвоения научных степеней, получение административного поощрения, как отзыв на диссертацию или отзыв на рукопись статьи, книги. При этом роль монографии в распространении нового научного знания наиболее существенна, в гуманитарных науках именно монография считается сутью индивидуального вклада в науку и традиционно связывается с новым результатом и продвижением знания в научном дискурсе. Соответственно, выбор монографии для рецензирования становится фактором выдвижения этого результата в фокус внимания.

Исследовательский вопрос связан с тем, как в тексте рецензии выражается научная критика и оценочная позиция субъекта речи. Сложившиеся подходы к изучению оценочности и языку оценки показывают несколько направлений и точек доступа к оценочной позиции. Это выражение позиции автора (субъекта речи) 1) по отношению к предмету исследования, 2) по отношению к иным существующим позициям, мнениям других исследователей и 3) по отношению к собственным утверждениям, чтобы раскрыть и разъяснить

собственную точку зрения (Chernyavskaya, 2020; Tcherniavskaia, 2014; Molodychenko, 2015; Nefedov, 2021; Biber, Finegan, 1989; Biber, 2006; Grey, Biber, 2012; Hood, 2010; Hunston, Thomson, 2000; Martin, White, 2005; Martin, Rose, 2007). Оценка рассматривается как система языковых (лексико-грамматических) средств на уровне семантики текста (discourse semantics) (Martin, White, 2005; Martin, Rose, 2007).

В научном тексте главным ценностным ориентиром является научная рациональность, поэтому центральную роль играет эпистемическая (познавательная) оценка. Она проявляется как логическая (рассудочная, когнитивная) оценка и выражается относительно содержания научного знания, способов его получения и доказательности и практической применимости. Познавательное отношение выражается оценочными действиями «принимаю/отрицаю», «соглашаюсь/не соглашаюсь», оценочной квалификацией «истинно/сомнительно/ложно», «хорошо/плохо». Познавательная оценка реализуется широким спектром средств: а) как эпистемическая квалификация (компонента) знания и/или познавательного действия как имеющего ценность для выражения научного знания. Для этого используются языковые единицы с семантикой форм, методов, способов, источников познания: *гипотеза, типология, вывод, наблюдение, соображение, интерпретация, доказывать, представлять аргументы, проводить эксперимент* и др. Оценка (положительная или отрицательная) реализуется как б) эпистемическая квалификация формы репрезентации знания по эпистемическим основаниям: *актуальная тема, новая идея, оптимальный метод, доказанная процедура, признанный специалист, преимущество, неоригинальная методика, ошибка, недостаток, слабые стороны, недостаточный материал, неубедительные аргументы* и др., как в) определение модальности утверждений и авторского мнения: *очевидно, бесспорно, следует согласиться, трудно признать* и т.п. Познавательная оценка проявляется и как эмотивная оценка через выражение личного, позитивно-

го или негативного, отношения субъекта к тому или иному аспекту знания. Эмотивность и экспрессивность эпистемической оценки становятся наглядными в том числе через средства (де)интенсификации характеристик объекта или познавательных действий: *очень, весьма, совершенно, безусловно, своеобразный* и др. Познавательная оценка, как доказала Н. В. Данилевская (Danilevskaya, 2006), неразрывно связывает в единую связку логическое и субъективное, эмоционально-чувственное содержание.

Критика, критическое отношение в широком смысле понимается как обсуждение и выражение личного мнения, как положительного, так и отрицательного, с целью сформулировать оценку. Критика в таком значении поощряется как необходимое условие для продвижения и распространения знания. Это широкое понимание отличается от критики как обсуждения с целью вынесения отрицательного суждения, несогласия с представленной (другой) позицией, выявления противоречий и недостатков. Именно этот аспект является центральным для предпринятого анализа и фокусируется в анализе тех языковых средств и коммуникативно-речевых приемов, которые выбираются для эксплицитного выражения негативного, отрицательно-оценочного отношения, несогласия с мнением другого исследователя и его объяснительного подхода.

Материалом для анализа стали русскоязычные рецензии на монографии в области социологии, опубликованные в период с 2015 по 2022 гг. в журналах «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология», «Вестник института социологии», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» в разделах «Рецензии». Это ведущие отечественные издания в области социологии, публикуют научно-исследовательские статьи и рецензии, индексируются в международных базах, входят в ядро РИНЦ. Корпус рецензий состоит из 50 текстов, общее количество слов около 61850. Больше количество (40 рецензий) опубликовано в «Вестнике Рос-

сийского университета дружбы народов. Серия: Социология», в «Вестнике Санкт-Петербургского университета. Социология» и «Вестнике Института социологии» за указанный период опубликовано соответственно по 5 рецензий на монографии, в том числе коллективные.

Процедура анализа: первое, с опорой на структурно-композиционную организацию текста рецензии выделялись текстовые фрагменты – контексты, содержащие языковые единицы с семантикой эпистемической оценки; второе, отбирались контексты, в которых выражено негативно-оценочное отношение рецензента к содержанию (представленному результату), структуре и практической значимости и применимости рецензируемой монографии. Учитывалось эксплицитно выраженное оценочное отношение. Выделено 618 оценочных контекстов, из них 460 содержат положительную оценку, 158 – отрицательную. Отрицательная оценка подразделялась на прямую и непрямую, то есть некатегоричную, смягченную. Отмеченные контексты анализировались методами прагма-семантического анализа, дискурсивного анализа с опорой на словарные дефиниции. В результате анализа систематизированы четыре характерных приема и соответствующие языковые средства смягчения критической оценки.

Научно-критические тексты как объект анализа

В научной коммуникации сложились специальные типы, или в иной терминологии жанры, научно-критических текстов, в которых оценочность получает наиболее эксплицитное выражение. Это экспертное заключение на рукопись (отзыв о возможности опубликования), экспертное заключение о заявке на грантовое финансирование исследования, рецензия на опубликованный текст. Функциональные различия между ними заключены в принципе критического анализа и его предмете.

Для заключения (peer-review) характерна анонимность эксперта, недоступность отзыва широкому кругу специалистов и научной общественности. Экспертное за-

ключение готовится по внешнему запросу различных стейкхолдеров, это значит, что экспертиза, во-первых, направлена на выявление нового, значимого, перспективного результата, и, во-вторых, участвует в принятии решений о продвижении результата в экономической, политической, идеологической проекции.

Рецензия (здесь и далее под рецензией понимается научно-критический текст на опубликованный результат, статью, книгу) имеет свою специфику и выполняет ряд важных функций в научной коммуникации между специалистами и экспертами. Выражение оценочного отношения рассматривается как центральная характеристика рецензии, ее идентифицирующий признак как текстового жанра. Именно в связи со спецификой выражения научной критики тексты рецензий становились предметом специального изучения в работах социологов и лингвистов.

В социологии оценок предметом изучения являются основания для оценивания, складывающиеся в социальном и институциональном контексте, динамика критериев и стандартов критики. Социологические исследования рецензий в 1960–1970-х гг. анализировали распределение оценок, стратегий критического разбора, соотношение положительных и отрицательных отзывов, представленность рецензентов из разных регионов. основополагающие исследования в этом направлении базируются на организации рецензирования в американских социологических журналах (Riley, Spreitzer 1970; Champion, Morris 1973). Так, например, известная работа американского социолога Т. Билхарца анализирует содержание рецензий в журнале «Journal of American History», публикуемых в течение 30 лет, и показывает изменения в системе оценки монографии. Исследователь продемонстрировал, что в 1950-е годы рецензенты особое внимание уделяли самому факту опубликования книги, но в дальнейшем предметом внимательной оценки становилось содержание издания. Выявлена динамика тематических приоритетов: в 1970-е гг. предпочтительны проблемные монографии

по различным типам социальной истории, приоритетными становятся разные методики анализа, в 1960-е гг. акцент делался на источниковую базу, далее (в 1970-е гг.) – на использование моделей, заимствованных из социальных наук, на статистические методы анализа, а в 1980-е гг. критиковалось их неоправданное применение (Bilhartz, 1984).

Изучение рецензии в проекции социологии, социологии науки показало несколько принципиально значимых моментов в определении ее идентифицирующих характеристик. Первое, рецензия в отличие от других вторичных текстов в научной коммуникации – реферата, аннотации, обзора – не выполняет дублирующей функции. Рецензия – это ответная позиция интерпретатора в диалоге с другим специалистом, исследователем. С одной стороны, она обсуждает вопросы, порождаемые первичным текстом, но с другой – ставит новые вопросы. Если для автора первичного текста в качестве объекта выступает только научно познаваемая действительность, то для рецензента в значение “объект” вкладываются уже два понятия: сама объективная реальность и первичный текст, отражающий ее. Задача рецензирования состоит не столько в обобщающей характеристике полученной другим(и) информации, сколько в выявлении научно значимого нового результата, привносимого в общенаучный дискурс. Основанием для этого является именно оценка как сравнение с уже достигнутым в науке (ее соответствующей отрасли) уровнем и с существующими перспективами. При этом научно-критический текст может сам представлять новую информацию. Новой является в рецензии интерпретация знаний, что включает в себя изложение первичных научных результатов под новым исследовательским углом зрения; уточнения, дополнения, выявление неточностей и ошибок; установление иных связей между изученными явлениями и фактами. Рецензия сама становится отправной точкой для новой дискуссии.

Одновременно с этим определением анализ различных социокультурных

практик функционирования рецензий обращает внимание на разного рода социальные, институциональные, политико-идеологические факторы, стоящие за научной критикой и влияющие на ее полемический характер. Рецензия рассматривается как вторичный жанр, неполноценное научное исследование. Рецензия, как правило, не включается в библиографию, не цитируется, значит, не участвует в наукометрических показателях как самостоятельный квант знания.

Написание рецензии мотивируется разного рода факторами. Познавательный интерес и представление собственной исследовательской точки зрения на проблему – один из них. Выбор текста для рецензии часто определяется значимостью для эксперта как отвечающий его собственным взглядам на проблему. Одновременно рецензия включена в сложные конвенциональные, церемониальные отношения в научной коммуникации, затрагивающие статусные отношения среди специалистов. На неизбежную избирательность и, значит, тенденциозность рецензий обращали внимание социологические исследования начиная с 1970-х гг. Отмечалась как пристрастность рецензентов, так и их озабоченность тем впечатлением, которое произведет их оценка² (Stepanov, 2016: 89–90). Для рецензий выбираются работы известных специалистов, знакомых по дисциплинарной сфере коллег. Для сравнения, в исследовании (Mogeno, Suarez, 2008: 23–24) приводятся примечательные данные опроса авторов, выступивших в качестве рецензентов на монографии. Англо-американские информанты указали, что никогда не писали рецензий на книги коллег и друзей

² В раннем исследовании американских социологов (Champion, Morris, 1973) было высказано предположение, критическая функция рецензии ограничивается своего рода механизмом самосохранения научного сообщества. Давая публичную оценку другому исследователю, рецензент опасается прослыть скандалистом среди коллег и действует в расчете на ответную положительную рецензию в свой адрес. Это определено как принцип взаимности (reciprocity in the review process): «Сложно не оценить высоко того, кто высоко оценил тебя» (It is difficult not to think highly of somebody who thinks highly of you; Champion, Morris, 1973: 1264).

и не считают такую практику приемлемой, в то время как испанские ученые признавали, что делали рецензии на работы знакомых коллег и указали, что этот фактор мог влиять на их субъективное отношение в выражении критики (this factor shifts or may shift their critical approach). Выражение согласия, поддержки рассматриваемой позиции является одной из базовых стратегий в академической среде и средством поддержания корпоративной солидарности в научном сообществе. Положительная оценка констатирует совпадение точек зрения обоих авторов. Смягчение критики при ее выражении служит для выражения уважения к специалисту-автору рецензируемого произведения.

Существование конвенций, неписаных правил поддерживает церемониальный характер научной дискуссии, может смещать критическую рефлексию к выражению согласия. В современном российском контексте специалисты высказывают скептические соображения о роли научной критики потому, что «организация науки скорее препятствует профессиональной дискуссии, чем создает заинтересованность общества в ее реализации» (Guba, 2009: 32–33).

Таким образом, выражение критической функции рецензии, связанной с определением и продвижением нового значимого результата, находится под влиянием многих обозначенных социологами внутрипрофессиональных, институциональных, конъюнктурных факторов.

Второе, на что следует обратить внимание, – рецензия непосредственно влияет на создание и поддержание репутации автора рецензируемого текста. Выбор научной концепции, монографии для опубликования отзыва является значимой оценкой. В этом случае критический текст выполняет селективную и указательную функции, то есть направляет внимание к некоему результату как существенному, новому, выдвигает его в фокус внимания специалистов и научной общественности. Рецензирование создает заметность результата. Согласно исследованию Б.Е. Степанова, «градус рецензионной активности может служить по-

казателем в отношении того, становится ли книга событием в научной жизни: появление пяти-шести рецензий рассматривается западными исследователями как нормальный уровень реакции научного сообщества, тогда как академические бестселлеры инспирируют двадцать и более рецензий» (Stepanov, 2016: 87).

Третье, рецензия поддерживает статус того ученого, который создает критический текст как эксперта. Эксперт позиционирует себя как профессионала, обладающего комплексным знанием: он понимает, как и в какой области применимы его собственные знания, обладает информацией, что знают другие специалисты в этой сфере и как эти знания взаимосвязаны и соотносятся с развитием дисциплинарной области. Б.Е. Степанов со ссылкой на исследования американских социологов 1980–90-х гг. указывает, что рецензии являются вторым по значимости жанром публикационной активности гуманитариев после статей (Stepanov, 2016: 86).

Социологические исследования рецензий были сконцентрированы на эпистемологической проблематике и возможностях и ограничениях рецензии в воспроизводстве научного знания (Biagioli, 2002; Hirschauer, 2010; Neidhart, 1988; Reinhart, 2010; Reinhart, Krüger, Hesselmann, 2019). В социологии науки и науковедении активно обсуждался вопрос о субъективности рецензии как научного жанра, о нестрогости и неуниверсальности критериев оценивания. Обзор основных результатов дискуссий и детальная литература представлены в (Stepanov, 2016).

Параллельно с социологическими исследованиями значимым и результативным направлением анализа стало коммуникативно-ориентированное исследование рецензий, сфокусированное в лингвистических разработках 1980–2000 гг. Рецензия изучалась лингвистами в англо-американской, немецкой, российской академической традиции (Trojanskaya, 1985; Dolgorukova, Pleshkov, 2020; Dallmann, 1979; Diani, 2009; Nyland, Diani, 2009). Изучение рецензий стало частью типологической лингвистики, функционально ориентиро-

ванной лингвистики, изучающей комплексные речевые действия и коммуникативные функции текстов, жанроведения, генристики и далее было включено в дискурсивно ориентированные исследования научного дискурса как особой формы коммуникации и познания. Научная критика оказалась спроецированной на изучение языка оценок, который, в свою очередь, должен анализироваться как прагматическое средство, как «лингвосемиотический и прагматический ресурс интеграции участников дискурса в научную деятельность и как сигнал их включенности в академическое профессиональное сообщество с его общими интересами и целями» (Nefedov, 2021: 761). Такое разделение труда между социологией и лингвистикой в изучении научно-критических текстов стало конструктивным и результативным, поскольку, по замечанию Б.Е. Степанова, в коммуникативно-лингвистической проекции «полностью снимаются вопросы о неполноценности жанра или субъективности рецензионной оценки. Наоборот, экспрессивность рецензии, связанная с ее оценочной функцией, придает этому жанру дополнительный интерес в глазах исследователей» (Stepanov, 2016: 96). По мнению немецкого социолога М. Райнхарта, отчетливая выраженность оценки, ее заметность в структуре высказывания играет существенную роль в конструировании доказательности и определенности анализа, в преодолении неопределенности и неуверенности суждений, ср.: (Reinhart et al., 2019: 126).

Рецензия стала специальным предметом изучения в связи с глобализацией и «глобанглизацией» языка науки и включилась в направление «академическое письмо» (Scientific writing, academic writing, academic publishing, scholarly communication), дидактически ориентированное направление языковой и коммуникативной подготовки специалиста. Многочисленные исследования 1990–2010 гг. показали, что рецензия особым образом кристаллизует социокультурную специфику академической сферы, что выходит на первый план в изучении этого жанра в контрастивных языковых

и социокультурных разработках. Использование оценочного языка отражает существующие в академической традиции конвенции, нормы, в том числе неписанные правила, представления о допустимом, должном. Центральным моментом в обсуждении культурной специфики научных текстов, значимым также в связи с обсуждением языка оценки, становилось использование средств смягчения категоричности (в английской традиции это определяется термином *hedging*), стратегии вежливости и тех прагматически заряженных средств, которые позволяют выражать позицию автора (субъекта речи) к предмету анализа и иным существующим позициям других исследователей в соответствии с конвенциями и нормами научной коммуникации в разных социокультурных практиках.

Контрастивные исследования языка оценок в научной коммуникации фокусируются вокруг двух академических традиций: так называемой западной академической культуры и восточной (азиатской). В работах 1990–2000-х гг., например (Scollon, Scollon, 1991), делался вывод, что для западной академической традиции характерна большая прямота в выражении оценки, а исследователи, представляющие азиатскую традицию (Япония, Китай), тяготеют к смягчению категоричности. В работах (Rose, 1996; Tanaka, 1997) показано, что японские авторы выбирают непрямые способы выражения критики по сравнению с английскими авторами. В исследовании (Itakura, Tsui, 2011) представлены результаты контрастивного анализа средств выражения критического отношения в рецензиях на английском и японском языках. Эмпирические данные свидетельствуют, что выражение негативного отношения в японских научных рецензиях опирается на разнообразные средства смягчения критики. Это интерпретируется как обусловленное преобладающими в японском обществе культурными ценностями, такими как скромность, бескорыстие, толерантность (Itakura, Tsui, 2011: 1378). Выводы подтверждаются другим исследованием (Meu, 2004: 42) о том, что выражение гармонии,

типичной для японского общества, характерно и при аргументации в научном изложении. Показательны также свидетельства в (Itakura, Tsui, 2011: 1367) со ссылкой на исследование (Slayer-Meyer, Alcaraz, 2004), что в рецензиях на монографии французских ученых есть тенденция к авторитарному экспертному голосу, прямому, категоричному выражению субъектной позиции. Испанские авторы рецензий используют колкий, хлесткий (*sarcastic*) язык, а в англоязычных рецензиях критика отчетливо выражается как личное мнение критикующего автора.

В работе (Larina, 2019: 38) заключение о возможности опубликования (анонимная рецензия) называется «новым жанром для русского научного дискурса» и «жанром конфликтогенным, поскольку доминирующей целеустановкой рецензии является оценка, которая может быть как позитивной, так и негативной». Приведенное определение показательно как характеристика современного российского контекста, в котором исследователи – авторы, рецензенты, редакторы – говорят фактически о все еще несформированности и неукорененности тех процедур и принципов академической коммуникации, которые должны рассматриваться как основополагающие и конвенциональные для распространения научного результата. Применительно к российской практике рецензирования, в том числе слепого (анонимного), констатируется «понижение степени эмоциональной сдержанности. Те, кто обладают большим статусом, не привыкли к критике и часто на нее реагируют негативно» (Larina, 2019: 43).

Примечательно в этой связи, что приводятся результаты анализа способов выражения отрицательной оценки в отрицательных отзывах российских и британских рецензентов (отклоняющих рукопись, поданную в журнал), полученных после слепого рецензирования в международном российском журнале. Обратим внимание, что в качестве общего заключения сформулированы замечания, совпадающие с закономерностями, выявленными другими исследователями в контрастивной проекции.

Указано, что отрицательные англоязычные экспертные отзывы в большинстве содержат модальные глаголы *could, might, would*, смягчающие негативную оценку, подчеркивают личный характер суждения формулировками от первого лица единственного числа *I believe, I am still not sure* и т.п., содержат рекомендации для изменения, доработки текстов, указывают на то, что удалось сделать. Русскоязычные рецензии, отклоняющие рукописи, редко имеют позитивные формулировки и «неэкологичны». Отрицательная оценка формулируется категорично и прямо, без смягчения несогласия: *Я категорически несогласен*. В английском языке при выражении несогласия в подобных случаях используются фразы *I don't think I would agree*, то есть формулы негативной вежливости (Larina, 2019: 43).

Функциональные и структурные аспекты текста рецензии

Значимым результатом коммуникативно-ориентированного лингвистического анализа текстов рецензий стала разработка понятия «коммуникативная функция рецензии» и выявление и описание типичных, повторяющихся в сходных коммуникативных контекстах текстовых структур и, соответственно, языковых средств и коммуникативно-речевых приемов выражения критики. Лингвистический анализ оценки по ее функции и содержанию требует учета коммуникативных параметров тех практик, в которых оценки выражаются. Например, в работах Д. Мотта-Рот выделены типичные текстовые приемы (риторические шаги), характерные для структуры рецензии: представление книги, характеристика содержания, характеристика частей текста и оценка книги (Motta-Roth, 1998). Предшествующие исследования показали, что в структуре научно-критического текста выделены структурные композиционные части или содержательные блоки, обладающие тематическим и функциональным единством. Такие структурно-содержательные части рецензии соответствуют отдельным аспектам анализа первичного тек-

ста/монографии и характеризуются содержательно-тематическим единством и доминированием той или иной текстовой функции. Задачи рецензирования состоят в том, чтобы информировать об основном содержании рецензируемого произведения, оценить его, обосновать выносимую оценку и оказать через эту оценку воздействие на читателя. С текстом научной рецензии связаны следующие коммуникативные функции: информативная, оценочная, экспликативная, аргументативная, персуазивная. Структура научной рецензии складывается из следующих разновидностей функционально-смысловых типов речи, или в другой терминологии – композиционных блоков: информативно-дескриптивный (описательный), информативно-оценочный, экспликативно-оценочный, аргументативно-оценочный.

Информативно-дескриптивные блоки нацелены на реализацию информативной функции рецензии и выражаются в сообщении информации о первичном тексте, его цели, круге вопросов, которые рассматриваются, научной области, в которой представлен научный результат. Описание в содержании рецензии передает основные характеристики авторской концепции. Описательность или дескриптивность реализуется в логической и/или хронологической последовательности фактов, аспектов, их номинации, перечисления, то есть создается линейная связность содержания, при которой каждое последующее суждение вытекает из предыдущего. В информационно-дескриптивных блоках представляются, как правило, итоговые дефиниции и заключения из рецензируемого текста. Для иллюстрации пример из проанализированного корпуса рецензий: (1) *Новая идейная и социальная ситуация является отправным пунктом анализа и аргументации выдающегося немецкого теоретика Ханса Йоаса в его фундаментальном исследовании «Власть священного. Альтернатива истории „расколдовывания“»*. **Исходный тезис исследования состоит в том, что религиозные установки в истории человеческих обществ всегда**

были и остаются в постоянном взаимодействии с появлением, функционированием и изменением отношений власти. **Аргументация Х. Йоаса начинается с анализа систематических исследований истории религии, в первую очередь – работ шотландского философа и историка Дейвида Хьюма. Далее следует подробное критическое изложение работ американского теоретика Уильяма Джеймса по психологии религии. Идеи работы Эмиля Дюркгейма о религии примитивных обществ анализируются в качестве примера классического исследования в области социологии религии (Генов, 2018).**

Информационно-оценочные блоки реализуют одновременно информативную и оценочную функции. Информирова о содержании, критик оценивает его, выражает собственную позицию. Основаниями для выражения критического отношения могут быть содержание книги, представленное в ней научное знание с точки зрения новизны, оригинальности, актуальности и перспективности; форма изложения – наглядность, ясность, степень разработанности материала, доказательность; практическая значимость, применимость результатов. Оценка эксплицитно выражена, но не аргументируется. Например, положительный информационно-оценочный блок: (2) *Опираясь на достижения зарубежной и отечественной теории международных отношений (ТМО), Алексеева представляет развернутую концептуализацию данного научного направления. В ее книге все основные компоненты теории международных отношений нашли **развернутое и детальное обоснование** и сведены в единую логически непротиворечивую систему, что выводит ТМО на принципиально новый уровень теоретического и методологического обоснования. **Насыщенный фактурой текст прекрасно организован, концептуально систематизирован, открывает широкие возможности для масштабных обобщений** и намечает два пути решения данной непростой задачи (Торкунов, 2020).*

Аналитические формы речи – экспликативность и аргументативность наблюда-

емы, когда происходит переработка и интерпретация информации из источника через установление логических, причинно-следственных, временных связей, сравнение, сопоставление, контраст, анализ, синтез и иных логико-смысловых процедур. Для экспликативности характерно такое языковое выражение, при котором один факт, объясняемое, выводится из другого, объясняющего его. В языковом выражении это представляется соответствующими глаголами *объяснять, развивать, показывать, демонстрировать*, союзами, наречиями, предложениями, языковыми единицами, сигнализирующими каузальность в самом широком отношении *поэтому, вследствие, таким образом* и др. Например, (3) *Критический анализ идей о связях функциональной дифференциации, модернизации и социальной рационализации с развитием религиозных идей и институтов **ведет Х. Йоаса к далекоидущим выводам. Его альтернатива идеям М. Вебера развивается в утверждениях о непрерывном взаимодействии процессов секуляризации и десекуляризации, сакрализации и десакрализации в современных обществах. Альтернатива Х. Йоаса веберовской интерпретации истории религии имеет свои идейные источники в философском прагматизме и историзме. Эта идейная связь объясняет, почему в центре внимания Х. Йоаса стоит понятие сакрализации. Поэтому Х. Йоас утверждает, что основной целью его исследования является понимание антропологической универсальности формирования и влияния святого в обществах** (Genov, 2018).*

Аргументативная форма речи и аргументативно-оценочные блоки характерны, когда оценочные суждения не только представляются, но и доказываются. В основе лежит речевое действие – рассуждение, состоящее в полном виде из трехчастной структуры: тезис (исходное утверждение) – доказательство – вывод. Применительно к тексту рецензии возможно говорить об оценочном рассуждении, нацеленном на объяснение оценки и убеждение адресата в правомерности суждений.

Далее проанализируем типичный пример аргументативно-оценочного изложения (пример 17) в связи с выражением критического отношения рецензента.

**Язык негативной оценки:
анализ и обсуждение результатов**

Как общее наблюдение возможно констатировать, что в проанализированном корпусе рецензии имеют преимущественно положительную тональность и положительные оценки. Из 50 научно-критических текстов в корпусе 36 рецензий не содержат критики в представленном выше понимании. Это значит, не содержат выражения несогласия, выявленных недостатков и слабых сторон анализируемой концепции. В 618 оценочных контекстах, выделенных в выборке, большая часть 460 содержат положительную оценку и 158 контекстов – отрицательную оценку. При этом позитивная оценка отличается большей степенью интенсивности, что выражается в большой концентрации языковых единиц-носителей положительной оценки, использовании слов-интенсификаторов. Тенденция к благожелательности и некритичности рецензий подтверждается и тем, что в проанализированном корпусе русскоязычных рецензий, как правило, фокусируется статус автора монографии – как известного, признанного специалиста, эксперта, и тем, что положительно оценивается прямыми номинациями его вклад в предметную область, в науку. Например, (4) *Замысел книги-исследования видного российского социолога, члена-корреспондента РАН В. Н. Иванова о проблемах старости «От 70 до 100. Размышления и воспоминания» вызревал на протяжении более десятилетия.* (5) *Н. И. Шагайда является признанным экспертом в вопросах оборота сельскохозяйственных земель с точки зрения трансформации его институтов и практик.* (6) *Заканчивая анализ коллективной монографии под редакцией выдающегося российского обществоведа Ж. Т. Тощенко, хотелось бы ещё раз заметить, что эту самобытную книгу можно рекомендовать не только учёным-социологам и филосо-*

фам, но и управленцам, от которых зависит будущее села. (7) *Данная книга посвящена обоснованию нового видения проблем монопрофильных городов России – именно такую позицию во Введении постулируют ее авторы Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов, признанные специалисты в области исследований монопрофильных городов, особенно расположенных в северных регионах России.*

Полученные данные свидетельствуют, что критика как несовпадение исследовательских точек зрения и указание на недостатки представляется некатегорично. При выражении смягченной критики были выделены как типичные следующие приемы: 1) указание на ограничение высказанной критической оценки, 2) представление критического суждения как альтернативного мнения, 3) представление субъекта критики как коллективного субъекта, включающего мнение читателя, профессионального сообщества, 4) выражение негативной оценки в сочетании с положительной.

Выделенные приемы и соответствующие языковые средства анализируются в других проведенных исследованиях (Trojanskaya, 1985; Larina, 2019; Dallmann, 1979) и отмечаются как характерные для научной коммуникации в профессиональном сообществе. В англоязычной практике они описываются как средства смягчения (hedging) категоричности оценок (Crompton, 1997; Lewin, 2005), погашения авторской субъективности (Matsuda, Tardy, 2007; Sanz, 2011), как оценочная пара «похвала-критика» (praise-criticism-pair) (Hyland, 2004).

При ограничении высказанной критической оценки характерны языковые единицы – деинтенсификаторы оценки. Критик минимизирует значимость критического замечания через использование научных эвфемизмов. В функции эвфемизма используется указание на то, что сформулировано не критическое утверждение, а размышление, «соображение», как в следующем примере: (8) *Впрочем, перечисленные соображения (а не критические замечания) ни в коей мере не отменяют необходимо-*

сти знакомства с книгой максимально широкой аудиторией.

В качестве **своеобразного критического замечания хотелось бы** обратить внимание на специфический стиль изложения авторов книги. Стиль хорош: яркий, логичный, энергичный, оптимистичный – он вселяет в читателя веру и надежду в преодоление унылой колеи региональной монопрофильности через расширение и развитие многоукладных социальных отношений в России. Но вместе с тем проработке самой специфики многоукладности в книге **уделено недостаточно внимания**; кроме того, легкость и местами даже изящество стиля **порой создают впечатление** игровой легкости преодоления монопрофильного «заклятия» многих регионов России (Nikulin, 2016).

(9) Как и к любой другой работе... к книге можно предъявить типичную претензию, что авторы говорят очевидные вещи без выхода на конкретные действия. **Отчасти** это так (в этом состоит специфика научных работ, в отличие от бойкой публицистики и нормативных документов), **однако** авторы по каждому пункту своих рекомендаций приводят грамотные обоснования и вносят конкретные предложения ... (Trotsuk, 2017).

Характерны литоты как указание на преуменьшение значения, масштаба отмеченного недостатка, а именно наречия *порой, иногда, отчасти*. Подобные литоты-деинтенсификаторы используются вместе с прилагательными, выражающими умеренную интенсивность признака *своеобразная критика*, а также с местоимениями, наречиями типа *некоторые, несколько*, снижающими значимость критикуемого аспекта.

Для деинтенсификации оценки и снижения ее категоричности также характерно использование сослагательных конструкций в значении пожелания, рекомендации вместо изъявительного наклонения, также в сочетании с наречием *желательно* вместо *необходимо, нужно*. Примеры в контексте: (10) **Богатство анализа и аргументации в книге Х. Йоаса могло бы быть** более убе-

дительным, **если бы он не** фокусировался в такой высокой степени на доисторических, античных и средневековых ситуациях взаимодействия религии и власти, а уделит больше внимания особенностям взаимодействия религии и власти в современных обществах. В этих обществах проявляется в полной мере проблематика реальности или иллюзорности феномена секуляризации. **Желательно было бы** расширить и обогатить анализ и аргументацию путем использования эмпирической информации, а не опираться исключительно на информацию из литературных источников (Genov, 2018).

При представлении критического суждения как возможного, дополнительного в ряду других создается особая модальность высказывания, при которой рецензент маркирует свои утверждения как возможные, допускаемые, альтернативные, но не необходимые. Вводные слова *вероятно, возможно, по-видимому* создают модальность возможности, но не долженствования, не определенности критики, ср.: (11) **Вероятно**, представленная в сборнике трактовка теории Скотта объясняется игнорированием этой оговорки и опорой только на две его работы [3; 6], а не на более поздние... **Возможно, книге не хватает** именно аналитического воспроизведения невыносимо тягостной устойчивой повседневности монопрофильных поселений, включенной в общероссийскую и глобальную картину регионального развития (Trotsuk, 2017).

Модальность возможности маркируют вводные слова *однако, стоит заметить*, характерные при выражении критики, наречие *вряд ли* с семантикой сомнения и ограничения критического суждения, как в этих фрагментах: (12) *Опираясь на данные проведенного социологического исследования, авторы приходят к выводу, что (...) Стоит заметить, что к числу причин, объясняющих ситуацию, можно было бы отнести неразвитость институтов гражданского общества, защищающих социальные права всех групп населения. Эта причина указывается в работе, однако развёрнутый сю-*

жет на эту тему, **к сожалению**, не нашёл ожидаемого отражения в исследовании (Sizemskaya, 2020).

(13) Также **возможно отметить и слишком однозначные характеристики** ключевого для книги ученого – Дж. Скотта. **Вряд ли следует квалифицировать** его как «марксиста», «естественно» оперирующего понятиями «класс» и «доминирующий класс», поскольку по тональности работ Скотт скорее романтик-анархист, а не марксист (Trotsuk, 2017).

Представление субъекта критики как коллективного субъекта означает, что суждение автора рецензии представляется как общее мнение профессионального сообщества, других специалистов, читателей. Это достигается за счет включенности читателя в критический анализ. В структуре текста создается диалогическая обращенность к адресату, конструируется образ читателя – компетентного, заинтересованного, начитанного, разбирающегося в проблеме. Это выражается за счет номинаций читателя, его профессионального статуса:

(14) **Основная проблема для читателя с социологически смещенной «оптикой» или ориентированного на извлечение из книги общего понимания** характерных черт символического сопротивления в прошлом и настоящем, состоит в ее «нерепрезентативности» – это хороший набор интересных кейсов без уточнений степени их социальной типичности/симптоматичности и критериев их отбора. (15) Кроме того, авторы, работая с определенным историческим периодом, не оговаривают возможности применения аналогичной «оптики» к дню сегодняшнему, **заставляя читателя сомневаться**, имеет ли он право опираться на нее в оценке нынешних реалий. Это сочетание эмпирических данных и смысловых интерпретаций даёт возможность разобратсья в событиях современной electoralной истории, **сверить свои ощущения с предложенными выводами и поразмышлять над прочитанным** (Trotsuk, 2017). (16) Безусловно, **критически настроенный читатель может предъявить к книге претензии концептуального свойства** в связи

с отсутствием в ней анализа разных трактовок продовольственной безопасности или микроаналитической перспективы, учитывающей обыденные практики населения в сфере продовольственного потребления и поведения (Trotsuk, 2016).

Обращенность к читателю и инструктивность изложения создается за счет номинации тех интеллектуальных действий, которые читатель должен осуществить в процессе понимания работы: *размышлять, искать ответы, сомневаться* и т.п., формулирования потенциальных вопросов от лица читателя.

Выражение негативной оценки в сочетании с положительной. При столкновении положительной и отрицательной оценок фон создает положительная оценка. Формулируемые рецензентом замечания, слабые стороны подаются на фоне значимого результата. Некатегоричность отрицательной оценки выражается и в том, что она представляется как выводное суждение, это значит, аргументируется рецензентом при столкновении положительной и отрицательной оценок. Это демонстрирует следующий фрагмент из рецензии, построенный как аргументативно-оценочное рассуждение.

(17) **Что касается методологического подхода (качественного), то автор совершенно обоснованно обращается к нему для подтверждения гипотезы о [...] и раскрытия «множественных смыслов, вкладываемых людьми в свое чувство патриозма... Действительно, «качественные методы более чутки к тому, что респонденты говорят и делают», показывают, что «существует намного больше различных вариантов восприятия смысла того, чтобы быть россиянином или русским и жить в России» (С. 13), но зачем тогда использовать приемы количественного подхода? Качественный подход с момента своего оформления в эмпирической социологии (в работах представителей Чикагской школы) обосновывал достаточность аналитических обобщений (типологий) как результата исследования, проведенного с помощью**

(нерепрезентативной) целевой выборки (аналитической индукции) и полужформализованных методик (включенного наблюдения и разных типов интервью). В книге же встречаются утверждения, что проект «доказал наличие различных версий патриотизма, отличающихся от... кремлевского проекта» (С. 14 **все же не доказал, а показал**), а выборка слишком смещена в пользу Санкт-Петербурга – 95 интервью из 237, что **якобы дает авторам право** проводить сопоставления по социально-профессиональным группам, причем в Москве было взято всего 26 интервью, а в Астрахани – 41, Казани – 24, Перми – 25, и разные типы поселений (село, моногород, столица и еще один город) были охвачены только в Алтайском крае. **Перекося в пользу Санкт-Петербурга можно было бы объяснить** рассмотрением его как кейса, а не как «основного поля» (и **все же не дающего возможности** «сравнивать одинаковые социально-профессиональные группы в Санкт-Петербурге и в других городах» С. 31), и привлечением некоторых других «полей» для сопоставительной контекстуализации данных и проверки разработанной типологии патриотизма. На небольшой (по меркам количественного подхода), целевой и не квотированной выборке **некорректно проводить сравнения** по большому количеству параметров, рассчитывать относительные частоты, представлять их в табулированном виде и делать выводы о региональных и иных различиях. [...] **Несомненно, результаты анализа транскриптов интервью можно представлять** в «количественном» формате (это суть контент-аналитической их обработки), **но только как соотношение выделенных категорий и составляющих их элементов, а не как «распределение различных типов патриотизма, в том числе по регионам» в процентах** (С. 38), делая выводы, что [...] **Все сказанное выше не означает, что книгу не нужно читать – обязательно нужно, потому что** в ней показаны важные тенденции развития российского общества, предпринята смелая попытка охарактеризовать

«народный» патриотизм как не вполне совпадающий с государственными программами и риторикой патриотического воспитания и предложена **полезная типология** российского повседневного патриотизма – для проверки, уточнения и доработки в эмпирических исследованиях, в том числе в опросах общественного мнения. **Однако следует читать книгу** как кейс-стади со множеством ограниченный концептуального и методологического характера, **отстраняться от политизированных выводов автора и воспринимать неполитизированные выводы не как «доказательства», а как вероятностные суждения, требующие дальнейшей проверки** (Trotsuk, 2021).

Критическое противопоставление недостатков и преимуществ работы дается как сбалансированная оценочная пара суждений по принципу «положительно/отрицательно».

Рассуждение развивается по схеме: исходный тезис (точка зрения автора монографии в форме косвенной речи), оценочное суждение рецензента, контраргументы рецензента. Переход к оценочному высказыванию сигнализирует наречие *действительно* в значении определенности, уверенности в содержании тезиса, а вопрос от имени потенциального читателя *но зачем тогда использовать приемы количественного подхода?* имплицитно несогласие с этой точкой зрения. Союзы *но, а* маркируют противопоставление точек зрения, через *но, а* аргументы противопоставляются тезису, и мнение рецензента – другому мнению, что далее усиливает частица *якобы* в значении мнимости, ошибочности тезиса. *Якобы* сигнализирует о дистанцировании рецензента от точки зрения автора. Несогласие и критическое отношение эксплицитно выражено языковыми единицами *смещена, перекося* с семантикой нарушения, ошибки в расчетах, методах. Поддержка и положительная оценка эксплицитованы в словах *полезная типология*, через интенсификацию оценки наречием *обязательно нужно читать*. Несогласие выражается некатегорично, как альтернативная позиция. Показательны

глаголы с семантикой уточнения *показал, а не доказал*. Наблюдаемы все отмеченные выше приемы и средства деинтенсификации отрицательной оценки – модальность возможности, предположительности, рекомендации через использование наречий *однако*, частицы *все же* в значении смягчения противопоставления точек зрения.

Отмеченная тенденция к некатегоричности и неэмоциональности выражения негативной оценки поддерживается в том числе невыраженной авторизацией субъекта критики. Выражение позиции субъекта речи от первого лица через использование местоимений первого лица *Я* или *Мы* в значении авторской скромности, а также авторизующих конструкций *с моей/нашей точки зрения* и т.п. не отмечается как характерное в проанализированной выборке. У авторизации в научном тексте, как известно из многих проведенных исследований (Matsuda, Tardy, 2007; Hyland, 2002; Sanz, 2006; Sanz, 2011), две функциональные нагрузки. С одной стороны, авторизация может смягчать категоричность, показывая неабсолютный, но субъективно-личный характер утверждений, особенно при выражении негативной оценки. С другой, именно авторизация отражает критическую рефлексию, поскольку позволяет идентифицировать самостоятельную позицию автора рецензии и маркировать новые смыслы, обеспечивая приращение научного результата, преодолевая неопределенность и неуверенность утверждений.

Заключение

Очевидно, что в современной практике научно-критический текст рецензии предстает в функциональной и жанровой вари-

ативности. Центральную роль в рецензии играет эпистемическая оценка научного результата по значимым в познавательном процессе основаниям. Благодаря оценке рецензия становится фактором воспроизводства научного знания и развития коммуникации между специалистами, она обеспечивает рефлексию и саморефлексию в научном сообществе. Наблюдаемое применительно к изученной текстовой выборке преобладание «некритичных» рецензий, не содержащих отрицательно-оценочных высказываний и противоречий, открытых вопросов в монографиях-предтекстах, может говорить о том, что рецензия смещается в сторону аннотирования и презентации, рекламы. Информирование – это одна из значимых функций рецензий, и она выходит на первый план. Дискуссия, выражаемая в рецензиях, сдержана, не носит полемического характера и выражения прямого несогласия с другим автором. Критика сопровождается разного рода языковыми деинтенсификаторами оценки, снижающими степень ее категоричности и прямоты. При выражении научной критики характерно проявление негативной оценки в сочетании с положительной, указание на ограничение высказанной критической оценки, представление критического суждения как возможного мнения и субъекта критики не как персонифицированного эксперта, но в ряду других в профессиональном сообществе. Вопрос о значении научной рецензии в академической культуре – это вопрос о формах и способах саморегуляции академического сообщества, готовности участников к коммуникации, обмену мнениями и идеями в печатных рецензиях, о роли научной критики в становлении и развитии идей.

Источники

Генов Н. Критика «расколдовывания мира» в социальной теории Х. Йоаса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 98–101.

Никулин А. М. От косной монопрофильности к гибкой многоукладности: Рецензия на книгу: Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: ЛЕНАНД, 2015. 216 с // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 202–206.

Торкунов А.В. Расширяя пределы социогуманитарного познания мира. Рецензию на книгу Т.А. Алексеевой «Теория международных отношений как политическая философия и наука» (М.: Аспект Пресс, 2019) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. 20. 3. С. 694–703.

Троцук И.В. Символический протест: сокрытые послания и адресанты. Рецензия на книгу: Городские тексты и практики. Т. I: Символическое сопротивление / Сост. А.С. Архипова, Д.А. Радченко, А.С. Титков. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 324 с // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. 17. 3. С. 408–419.

Троцук И.В. Маленькая книга о большой проблеме, или макровзгляд на то, что мы едим: Рецензия на книгу: Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110 с // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. 16. 3. С. 659–668.

Троцук И.В. Повседневный народный российский патриотизм. Рецензия на книгу К. Клеман «Патриотизм снизу. “Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?”» (М.: НЛЮ, 2021. 232 с.) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 891–902.

Сиземская И.Н. Социальное государство как конституционный принцип Российской Федерации: социальные векторы развития. Размышления о книге: «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России.

Реалии и перспективы» // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 179–186.

Список литературы / References

Biagioli, M. (2002). From book censorship to academic peer review. In *Emergences Journal for the Study of Media & Composite Cultures* 12(1). 11–45.

Biber, D. (2006). Stance in spoken and written university registers. In *Journal of English for Academic Purposes*. 5. 97–116.

Biber, D., Finegan, E. (1989). Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect. In *Text*. 9. 93–124.

Billhartz, Terry D. 1984. In 500 words or less: academic book reviewing in american history. In *The History Teacher*. 17(4). 525–536.

Chernyavskaya, V. E. Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura*, 2020. 1 (17). P. 135–147.

Crompton, P. (1997). Hedging in academic writing: Some theoretical problems. In *English for Specific Purposes*. 16 (4). 271–287.

Dallmann, S. (1979). Die Rezension. Zur Charakterisierung von Texttyp, Darstellungsart und Stil. In *Sprachnormen, Stil und Sprachkultur*. Fleischer W. (Hrsg.). Berlin. 58–97.

Danilevskaya, N. V. (2006). *Cheredovanie starogo i novogo znaniya kak mehanizm razvertyvaniya nauchnogo teksta (aksiologicheskii aspekt) [Interchange of old and new knowledge in scientific text production (axiologic aspect). Dr. philol. Sci. thesis diss.]*. Ekaterinburg.

Diani, G. (2009). Reporting and evaluation in English book review articles: A cross-disciplinary study. In K. Hyland, & G. Diani (Eds.) *Academic evaluation: Review genres in university settings*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 87–104.

Dolgorukova, N. M., Pleshkov, A.A. (2020). *Nauchnoe recenzirovanie v gumanitarnykh zanrach*. Higher School of Economics

Forum o forume (o sostojanii diskussionnogo polya nauki) (2009). In *Antropologicheskyy forum*. 7–177.

Gray, B., Biber, D. (2012). Current conceptions of stance. In K. Hyland, & C. S. Guinda (Eds.), *Stance and voice in written genres*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.

Guba, K. S. (2009). Recenzirovanije kak sposob ocenivaniya nauchnykh rezultatov. In *Antropologicheskyy forum*. 10. 32–43.

Hirschauer, S. (2010). Editorial judgments: a praxeology of „Voting“ in Peer Review. In *Social Studies of Science*. 40(1). 71–103.

- Hood, S. (2010). *Appraising research: Evaluation in academic writing*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Hunston, S., & Thompson, G. (Eds.). (2000). *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse*. UK: Oxford University Press.
- Hyland, K. (2000 a). Praise and criticism: interactions in book reviews. In K. Hyland (Ed.), *Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing*. Harlow, England: Longman. 41–62.
- Hyland, K. (2000 b). Hedges, boosters and lexical invisibility: Noticing modifiers in academic texts. In *Language Awareness*. 9(4). 179–197.
- Hyland, K. (2002). Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing. In *Journal of Pragmatics*. 34. 1091–1112.
- Hyland, K., Diani, G. (2009). Introduction: Academic evaluation and review genres. In K. Hyland, G. Diani (Eds.), *Academic evaluation: Review genres in university settings*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Itakura, H., Tsui A.B.M. (2011). Evaluation in academic discourse: Managing criticism in Japanese and English book reviews. In *Journal of Pragmatics*. 43. 1366–1379.
- Klimov, I. A. (2008). «Syroe I prigotovlennoe» ili k apologii recenzii. *Socialnaya realnost*. 1. 111–116.
- Lamont, M. (2009). *How professors think. Inside the curious world of academic judgment* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Larina, T.V. (2019). Emotivnaya ecologichnost I emotivnaya vezlivost v angliiskoi i russkoi anonimnoi recenzii. In *Voprosy psicholinguistiki*. 1 (39). 38–57.
- Lewin, B. A. (2005). Hedging: An exploratory study of authors' and readers' identification of 'toning down' in scientific texts. In *Journal of English for Academic Purposes*. 4(2). 163–178.
- Molodychenko, Evgeni N. (2015). Axiological Dimension in the Discourse of Consumerism: The Role of Evaluative Language in the Lifestyle Genre." In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*. 6(38). 55–66.
- Martin, J. R., & Rose, D. (2007). *Working with discourse*. London, NY: Continuum.
- Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation*. NY: Palgrave Macmillan.
- Matsuda, P. K., Tardy, C. M. (2007). Voice in academic writing: The rhetorical construction of author identity in blind manuscript review. In *English for Specific Purposes*. 26. 235–249.
- Mey, J.L. (2004). Between culture and pragmatics: Scylla and Charybdis? The precarious condition of intercultural pragmatics. In *Intercultural Pragmatics*. 1 (1). 27–48.
- Moreno, A.I., Suarez, L. (2008). A study of critical attitude across English and Spanish academic book reviews. In *Journal of English for Academic Purposes*. 7. 15–26.
- Motta-Roth, Desiree. (1998). Discourse Analysis and Academic Book Reviews: A Study of Text and Disciplinary Cultures. In *Genre Studies in English for Academic Purposes*. Coll J.F., Fortanet I., Palmer J.C., Posteguillo S. (Eds). Castello de la Plana, Spain: Universitat Jaume. 29–58.
- Nefedov, S. T. The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University*. In *Language and Literature*. 2021. 18 (4). 760–778. (In Russian)
- Neidhardt, F. (1988). *Selbststeuerung in der Forschungsfürderung. Das Gutachterwesen der DFG*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Reinhart, M. (2010). Peer Review Practices: A Content Analysis of External Reviews in Science Funding. In *Research Evaluation*. 19(5).
- Reinhart, M. (2009). Peer Review of Grant Applications in Biology and Medicine. Reliability, Fairness, and Validity. In *Scientometrics*. S. 789–809.
- Reinhart, M., Krüger, A., Hesselmann, F. (2019). Nach der Bewertung ist vor der Bewertung – Sichtbarkeit und Emotionalität als verbindende Elemente von Bewertungsprozessen. Nicolae et al. (Hrsg.) (Be) Werten. Beiträge zur sozialen. In *Soziologie des Wertens und Bewertens*. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 125–145.
- Riley, L. E., Spreitzer, E. A. (1970). Book Reviewing in the Social Sciences. In *The American Sociologist*. 5(4). 358–363.

Rose, K. R. (1996). American English, Japanese, and directness: more than stereotypes. In *JALT Journal*. 18. 67–80.

Salager-Meyer, F., Alcaraz Ariza, M. A. (2004). Negative appraisals in academic book reviews: a cross-linguistic approach. In C. Candlin, M. Gotti (Eds.), *Intercultural aspects of specialised communication*. Frankfurt: Peter Lang. 149–172.

Sanz, R. L. (2006). 'I will argue that': First person pronouns as metadiscourse devices in research article abstracts in English and Spanish. In *ESP across Cultures*. 3. 23–40.

Sanz, R. L. (2011). The construction of the author's voice in academic writing: The interplay of cultural and disciplinary factors. In *Text & Talk*. 31(2). 173–193.

Scollon, R., Scollon, S. (1991). Topic confusion in English-Asian discourse. In *World Englishes*. 10 (2). 113–125.

Stepanov, B. E. (2016). «Krizis zhanra»: knizhnye recenzii v perspektive issledovanij nauchnoj komunikacii. In *Laboratorium*. 1. 82–106.

Tanaka, H. (1997). *Turn-taking in Japanese Conversation. A Study in Grammar and Interaction*. John Benjamins, Amsterdam.

Tcherniavskaia, V. E. (2014) Discourse paradigm: phantom objects and syndromes. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (038). 54–61.

Trojanskaya, E. S. O nekotorych osobennostyach vyrazhenija otricatelnoi ocenki v nauchnoi recenzii. In *Yazyk I stil nauchnogo izlozenija*. M. 1985. 23–34.